

УДК 821-3(470.344).09«19»

**НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОКАХ ЖАНРА РАССКАЗА
В ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE GENRE OF STORY
IN CHUVASH LITERATURE**

Н. Н. Осипов

N. N. Osipov

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева», г. Чебоксары*

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые особенности формирования и развития жанра рассказа в чувашской литературе.

Abstract. Some peculiarities of the formation and development of the genre of story in the Chuvash literature are considered in the article.

Ключевые слова: *рассказ, образ, рассказчик, сюжет, рассказ-очерк, рассказ-повесть, рассказ-миниатюра.*

Keywords: *story, image, storyteller, plot, short story essay, short story, miniature story.*

Актуальность исследуемой проблемы. Обращение к проблемам малой прозы весьма актуально для современного чувашского литературоведения. Именно жанр рассказа как наиболее мобильный откликается на основные особенности исторического процесса: на события, происходящие в современной общественной жизни, которые так или иначе влияют на психологическое состояние человека. На наш взгляд, жанр рассказа в чувашской литературе изучен недостаточно.

Материал и методика исследований. Материалом исследования стали произведения малой формы чувашских писателей середины XIX и первой трети XX века. В работе применялись методы сравнительно-сопоставительного и историко-типологического анализа текста.

Результаты исследований и их обсуждение. Разнообразные коллизии, выявленные писателями в ходе поиска истоков жанра чувашского рассказа, весьма причудливы. Рассказ «как один из самых мобильных жанров литературы» берет «свое начало от незатейливого анекдота и устного повествования о каком-либо случае» [2, 112].

Большая заслуга в развитии жанра рассказа принадлежит выдающемуся просветителю И. Я. Яковлеву (1848–1930). В 1872 году был отпечатан его «Букварь для чуваш», который стал первой национальной книгой. Кроме учебного материала, букварь содержал небольшие оригинальные и переработанные народные рассказы. Здесь в основном были нравоучительные произведения («Капризник», «Калач»), образцы иронической

оценки поведения человека («Мое раскаяние»), рассказы-миниатюры, представляющие собой незадачливый анекдот («Как мужик лошадь искал»), рассказы нравоописательного характера («Как я разбил часы», «Как я сбежал из дому на свадьбу») и т. д.

Одновременно и вслед за И. Я. Яковлевым выступили И. И. Иванов (1848–1985), М. Ф. Федоров (1848–1904), И. Н. Юркин (1863–1943), С. М. Михайлов (1821–1861).

Показательны нравоописательные рассказы С. М. Михайлова («Предания чуваш», «Сундырская гора», «Балтран базар в Козмодемьянском уезде», «Хитрая кошка», «Злополучный сын», «Рассказ старого человека Павла Фролова молодому свату об историях, произошедших с его отцом в 1769 году» и др.): в них налицо образ рассказчика, носителя нравоучительной речи-монолога; эти произведения окроплены соками скрытых иронии и смеха; здесь наблюдаются традиции анекдота и устного повествования; к тому же зримо присутствует некоторое укрупнение анализируемых героев, притчевое их рассмотрение.

В этом же аспекте следует рассматривать стилистические коллизии и ряд других полновесных и эстетически значимых моментов. Так, в словесности этого периода весьма активно формируется практика анализа документальных событий и явлений, эмпирических материалов, напрямую взятых из жизни. Причем такая документальность, как правило, «приправляется яркими красками домысла» и даже некой фантастичностью разбираемых ситуаций (особенно произведения И. Н. Юркина, содержащие пространственные комментарии). Очерковость этого периода развития литературы выводит на первый план образ носителя монолога, который в чем-то настолько исповедален, насколько субъективен и риторичен. Без всякого сомнения, рассказчик тщательно изучает внутреннюю технологию такой прозы, старается учесть систему средств убеждения слушателей в том, что и как он говорит. Повествует о том, что в окружающем мире его волнует, как он понимает законы преобразования действительности.

В начале XX века в творчестве И. Н. Юркина, М. Акимова, Т. Кириллова и других писателей появляются такие разновидности жанра рассказа, как рассказ-очерк, рассказ-повесть, которые чувашский литературовед XX века Е. В. Владимиров называет «сильно растянутыми рассказами» [1, 22]. События, взятые из жизни, ложатся в основу сюжета произведения и разворачиваются медленно благодаря большой предыстории, многочисленным отступлениям, натуралистическим описаниям и длинным диалогам. Они часто обращены к документальным событиям.

Использование документально-эмпирических коллизий, взятых непосредственно из жизни, особенно характерно для И. Н. Юркина. Даже очерковые его опыты сильно пропитаны соками устного рассказа. Обращая порою к неким фантастическим сценам, документальные коллизии он обогащает различными символами. К примеру, в рассказе «Сыт человек, а глаза голодны» прозаик использует образ-символ двурогих вил (символ древа жизни), разорвав эти рога, родители сделали своих детей глубоко несчастными.

Такое же значение в его произведениях имеют предания глубокой старины, сцены из древней национальной истории и т. д. Так писатель вырабатывает методику изучения человека в глубинных перипетиях истории, нравственных истоках народной педагогики, уважении традиционных национальных ценностей. Правда, все это вызывает большую растянутость размышлений автора, приводит к необходимости создания большого количества комментариев.

Герой произведения И. Н. Юркина «Сыт человек, а глаза голодны» изображен в сложных взаимоотношениях с обществом, им руководят не только внутренние страсти, но и весь общественный строй. Для автора, по сути, сложным является и сам человек, который не смог устоять перед страстью к наживе. Юркин понимает, что характер может меняться в зависимости от изменения положения человека в обществе, человека он оценивает как результат исторического развития общества.

В очерковых рассказах И. И. Иванова мало героев. В центре внимания писателя преимущественно судьба одного человека, его нравственное или безнравственное поведение, рассуждения рассказчика о традиционных нормах и правилах общинной жизни. Такая лаконичность придает повествованию сказочный характер.

В рассказах И. И. Иванова, И. Н. Юркина, в букварных текстах И. Я. Яковлева и его учеников отсутствует сюжет. Все это заменяется наличием рассказчика-очевидца, рассказчика-участника, рассказчика-сопереживателя, рассказчика-проповедника и т. д. Почти что нет и характеров, порой даже конфликтов. Конфликт, если говорить о его присутствии, лишь в том, как его мыслит, понимает, толкует рассказчик. Он поэтому несколько иллюстративен. Проповедуя какую-либо мораль, суть, истину, И. И. Иванов, к слову, имеет в виду прежде всего свою проповедальную идею. На переднем плане оказывается не столько художественность, сколько публицистичность. Ранее в рассказах В. Рзя (к примеру, «Открытые ворота») и Е. Еллиева («Ременные вожжи», «Ворота») была некая сдержанность, порой полная отстраненность рассказчика в тексте, т. е. полновесная художественность. В центре повествования оказывается течение самой жизни, а не комментарии, иллюстрации к ней, не монолог рассказчика. Не статика, а динамика, движение, органика конфликта. В русской литературе это явление рельефно проявилось в творчестве А. П. Чехова, который вообще убрал механизм авторских размышлений [2, 106].

Резюме. Можно сказать, что проанализированные нами тексты в сюжетном отношении мало разработаны, в них почти что нет характеров (следовательно, мал процент психологизма), есть только образы рассказчика-свидетеля, рассказчика-очевидца, рассказчика-участника и др. А это важная особенность чувашской малой прозы, что находит отражение и в ее поэтике. Малая проза становится залогом возникновения крупной, в частности остросоциальных произведений В. Рзя («Открытые ворота») и Е. Еллиева («Ворота»). В чувашской литературе средние (повесть) и крупные (роман) формы не отказываются от поэтики малой прозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Евстафьев, Е. В.* В русле времени / Е. В. Евстафьев. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 1979. – 232 с.
2. *Ульяшов, П. С.* Этот неумиряющий жанр. Современный советский рассказ / П. С. Ульяшов. – М. : Знание, 1987. – 112 с.